

**К интерпретации этнокультурной истории
народов Западного Памира:
традиционные головные уборы¹**
*Interpreting the ethnocultural history
of the Western Pamir peoples: Traditional headwear*

Додыхудоева Л. Р.

Dodykhudoeva L. R.

В статье рассматривается номенклатура традиционных головных уборов народов Западного Памира, выявляется происхождение исходных предметов и терминов и проясняются контакты между народами, населяющими регион, их языками и движением культурных реалий и идей.

Вестиментарные данные прослеживаются по материалам, опубликованным на современных памирских (в основном шугнанском и ваханском) и таджикском языках и полевым материалам автора с привлечением терминологии из научных описаний региона и визуальных источников.

Ключевые слова: памирские языки, шугнанский язык, ваханский язык, таджикский язык, Западный Памир, этнолингвистика, головные уборы

The article focuses on the nomenclature of traditional headwear among the peoples of the Western Pamirs. I identify the origin of the

¹ Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института языкознания РАН 0182-2019-0018 «Закономерности развития и функционирования индоевропейских языков: типология языковых структур; филологический анализ текста; взаимодействие языковых, социальных, этнических и культурных процессов».

objects and terms and examine the contacts between the inhabitants of this region, their languages, and the dynamics of cultural artefacts and ideas.

The vestimental vocabulary analysed here is taken from materials published in several contemporary Pamir languages (primarily Shughnani and Wakhi) and the Tajik language, my own field data, scholarly descriptions of the area, and photographs of its material culture.

Key words: Pamir languages, Shughnani, Wakhi, Tajik, Western Pamirs, ethnolinguistics, headwear

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-43-54

В настоящей статье рассмотрены названия ряда традиционных головных уборов народов Западного Памира (ГБАО, Таджикистан) и сопредельных территорий. Мы проследили их наличие в современном словаре памирских (в основном шугнанском и ваханском) и таджикском языках, что позволяет подвергнуть разбору происхождение терминов и исходных предметов, таким образом проясняя контакты между народами, их языками, движение культурных реалий и идей.

Широко известно, что названия одежды и ее частей являются, как правило, культурными терминами и усвоены «по цепочке заимствований», в которой присутствуют не только иранские языки [Эдельман 2011: 316]. При этом особенности сложения вестиментарной терминологии указывают на направления заимствований и динамику эволюции названий, увязывая это с социокультурной историей региона и контактами с соседними народами. Так, в период, охватывающий нескольких последних столетий, культурное влияние шло по двум направлениям — с севера и с юга. Как отмечает М. С. Андреев, «через Гиндукуш проникали открытия и изобретения с юга, например умение вязать крючком или выделывать толстое сукно “катма” (с двойной ниткой основы), проникшее из Читрала и только теперь начавшее доходить до низа верхнепанджских стран» [Андреев 1958: 259]. С другой

стороны, после присоединения к Бухарскому эмирату влияние также шло и с севера, в основном через Дарваз.

Материалом, подлежащим изучению, источниками реконструкции костюма народов Западного Памира и названий отдельных его составляющих сегодня служат письменные тексты, исторические описания региона, а также сам язык, являющийся лингвокультурным памятником и сохраняющий названия одежды прошлых столетий. В письменных документах содержатся названия и описания элементов исторического костюма, многие из которых уже вышли из употребления. Однако отказ от каких-то видов одежды не всегда сопровождается исчезновением наименований. Такие термины могут быть архаизованы или, претерпев изменения по форме и/или семантике, применяться для обозначения модифицированного или иного предмета одежды, или даже перейти в другие языки и сохраниться лишь там.

Одним из способов передачи информации является визуальный ряд. При отсутствии таких документальных свидетельств культурной жизни, как письменные тексты, зрительная репрезентация помогает в определении предмета и его модели, соотнесении его с наименованием. В связи с этим наши выводы основаны и на визуальных материалах — исторических фотографиях, позволяющих получить наглядное представление о бытовавших ранее образцах, а также фотографических изображениях, воспроизводящих предметы из музейных и частных собраний.

На необходимость идентификации предметов одежды, уточнение терминологии исторического костюма Средней Азии и Ирана и их соотнесение уже указывала Г. А. Пугаченкова [1956: 87]. В настоящее время, когда идентифицирующая функция национального костюма оказалась в фокусе внимания в Республике Таджикистан, особое значение приобрели работы по истории костюма, способствующие соотнесению конкретных образцов одежды и номенклатуры [Сухарева 1982; Ершов, Широкова 1969; Широкова 1970; 1989].

Обратимся к работам по этнографии региона, включающим наблюдения и замечания о вестиментарных традициях. М. С. Андреев дает следующее описание: «В 1929 г. наиболее распространенным головным убором хуфских мужчин была тюбетейка *тоқай*. По-видимому, она появилась в Хуфе недавно, так как только за самое последнее время хуфские женщины начали шить тюбетейку сами. Раньше привозили готовые из Бадахшана. Сравнительно реже встречаются в Хуфе *паколь*. Это связанный из шерсти или сшитый из домотканного сукна мешочек, имеющий ширину, равную половине окружности головы, а глубину — около 20 см. При надевании на голову край его завертывается широкой полосой раза два. Получается полное подобие русской женской вязаной шапочки, только без помпона наверху. По сообщению стариков, *паколь* тоже распространились в Хуфе сравнительно недавно, раньше их не было. Ношение вязаных *паколь* в 1929 г. было очень распространено в Шугнанае, а также выше по Пянджу и, по-видимому, заимствовано из Читрала, где их носят повсеместно. Наряду с *тоқай* и *паколь*... Зимой часто носят самодельные небольшие шапки из овчины, обращенной мехом внутрь. По форме они напоминают головные уборы среднеазиатских дервишей (*кулох*), но сшитые из нескольких секторов овчины; они даже не покрыты сверху материей» [1958: 249–250].

По сообщению того же автора, головные уборы женщин бывают многослойными: сверху платка надевают вышитую шапочку, род тюбетейки-*паколь*, а поверх еще цветной шелковый платок-*фидои*, который прикреплен к находящейся под ним шапочке-*паколь* скрепкой-*сар-бандак* [Андреев 1958: 251]. При этом, как отмечает Е. М. Пещерева, в северных районах Таджикистана женщины начали носить тюбетейки-*туппӣ* с тех пор, как стали снимать паранджу в 1920-е гг. До этого пользоваться ими для женщин считалось неприличным. Не носили раньше тюбетейки и таджички горных районов, за исключением припамирских,

где бытовала особая женская тюбетейка с плоским верхом. В нижней же части долины реки Зеравшан в районах Самарканда и Бухары в начале XX в. тюбетейка под платком являлась головным убором женщин всех возрастов, кроме старух [Широкова 1989: 187].

О ношении горцами Западного Памира небольшой плоской тюбетейки сообщает в начале XX в. А. А. Бобринский: «На голове обыкновенная тюбетейка; в Вахане и вообще по Пянджу летом носится она мелкою, плоскою, вязаною из белой бумаги; зимою же и вообще в холодную погоду там же носят шерстяную тканую шапку: вяжется она колпаком, для ношения заворачивается до превращения ее в плоский блин, называют ее «*пакуль*» (Tomaschek *skid*)». Он же сообщает о ношении там женщинами «небольшой плоской тюбетейки», на которую при выходе из дома набрасывали сверху платок, спуская концы по спине, чтобы прикрыть затылок и косы [Бобринский 1908: 52]. По описанию Оле Олуфсена в долине Пянджа мужчины носили небольшую облегающую голову коричневую шапочку-колпак (*челток*), скрепленную по бокам, наподобие мягкой шляпы, края которой в плохую погоду можно было опустить как капюшон. Этот вид головного убора, будучи весьма древним, в настоящее время (конец XIX в. — Л. Д.) выходит из употребления. У женщин в ходу небольшие облегающие голову белые шерстяные или хлопчатобумажные шапочки (*челток*), мало чем отличающиеся от европейской дорожной шляпы [Olufsen 1904: 64, 69].

Рассмотрим в связи с данными сообщениями наименования некоторых головных уборов и их употребление в современных памирских и таджикском языках:

ш. *пакол* ‘плоская, низкая шапочка, тюбетейка (мужская и женская)’, сар. *pakul* ‘тюбетейка (мужская)’, мундж. *rokil* ‘нуристанская шерстяная шапка-берет’. В настоящее время подобный головной убор известен в регионе всего Восточного Гиндукуша и понимается как ‘читральская (или гильгитская) шапочка’ (Chitrali or Gilgiti cap), варианты по языкам региона:

paکو/ul, khapol, kapol/ʌr, kho/ui², chitrali (topi). Считается, что данный вид головного убора восходит к мягкой шерстяной плоскодонной шапочке, края которой подворачиваются вверх к теменной части головы. Она упомянута Дж. С. Робертсоном в конце XIX в. как шина или читральская шапочка (Shin or Chitrali cap) [Robertson 1896: 127], хотя такой головной убор был характерен для всего пограничья Китая, Индии, Пакистана и Центральной Азии. Более поздняя модификация этого головного убора, с расширенной верхней частью на манер берета и нижней — цилиндрической подворачивающейся кверху, широко использовалась на границе Афганистана и Пакистана. В конце XX вв. одну из модификаций этого головного убора стал носить командир афганских сил Северного альянса Ахамадшах Масуд, бывший родом из долины Панджшер, Афганистан. Получив символическое значение в рамках альянса, эта модель впоследствии стала известна во всем мире как атрибут афганских моджахедов.

Для упомянутого О. Олуфсеном для района Вахана наименования местной шапочки — *челток*, см. вариант *телток*, а также вах. *тилтоқ* ‘киргизская войлочная шапка’. Ср., однако, обозначение иной реалии в вах. (из т.) *талпә/ак*, ишк., вах. *тилпак*, ‘шапка-ушанка (меховая)’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976; Пахалина 1975].

По поводу еще одного наименования головного убора — *с(ə)кид/δ* ‘тубетейка, шапочка’, М. С. Андреев полагает, что в ваханском языке это название сравнительно недавно перешло на современную вышитую ваханскую тубетейку (читральского происхождения) с более древнего головного убора (хуф. *миршои* ‘высокая островерхая стеганная шапочка’) [1953: 107; 1958: 405]. Ваханская лексема восходит к др.-ир. **skauda-*, основе ряда ираноязычных названий головных

² Ср. заимств. из иранского юго-восточного языка типа пашто: др.-инд. *khola-* ‘вид головного убора’, кхов., шина *khōi* ‘шапка, шлем’ [Стеблин-Каменский 1999: 312; Эдельман 2011: 361].

уборов: ав. *хаода*, др.-перс. *xauda* ‘шлем’, ос. *xud*, пашто *xol*, т. *xūd/ī*, ягн. *худ/т* ‘шлем, тибетейка’, мундж. *xīla* ‘шап(оч)ка, вышитая тибетейка, головной убор’, сар. *xēwd* ‘мужская шапка’ [Стеблин-Каменский 1999; Эдельман 2011: 360–361], т. *кулоххӯд* ‘шлем’.

Обратимся к другому принятому в памирских и таджикском языках термину. Как сообщает З. А. Широкова, в старину в Каратегине и Дарвазе у женщин бытовала стеганая шапочка с мешочком для кос сзади — *кулута*, или *телпак*, *шабкулак*, — которая иногда все еще встречается у пожилых женщин. Наличие этого головного убора в недавнем прошлом было зафиксировано у пожилых женщин в Ура-Тюбе и Канибадаме, хотя этот головной убор сохранился там и в составе женского савана. С другой стороны, такую шапочку с накосником (*кулута*) в сочетании с большим платком надевали после свадьбы в верховьях Зеравшана [Широкова 1970: 176; 1989: 187–190, 197]: ягн., т.-матч. *кулута* ‘кулута, шапочка с накосником/назатыльником’ [Шарифова 2018: 135]. Головной убор *кулута-пушак* зафиксирован для Таджикистана и представлен в колл. № 31–104 экспозиции РЭМ [Старостина 2014: 391].

т. *кул(ӯ)та(пӯшак)*, т.-бух. *калтапӯшак* ‘шапочка с назатыльником (пожилых женщин), капюшон’. Покрой шапочек с накосником (*кулута* (*шав/бкулак* из *шабкулох* ‘ночная тибетейка, колпак’), *калпушак*, *тоқӣ*, *телпак*) различен: бывают шапочки без тульи, сшитые из куска ткани, собранного на нитку на макушке с отверстием и накосником в виде продольного куска ткани. Они, как отмечает О. А. Сухарева, представляют наиболее ранний покррой. Во втором типе — на образовавшееся на макушке шапочки отверстие снизу или сверху нашивали, или подшивали, небольшой круг — зародыш тульи. Эти шапочки были переходной формой от шапочек с открытым отверстием к шапочкам с макушкой — тульей. Третий тип состоял из круглой тульи и околыша из прямоугольного куска ткани и довольно длинного накосника из продольной

полосы материи, пришитого к задней части околыша. Иногда накосник вшивается прямо в околыш, при этом перёд околыша и накосник обычно шились из разных тканей. Накосник мог представлять собой полосу материи, прикрывающую косы, либо нижний конец сшивался или соединялся шнуром, образуя сквозной мешок, в который пропускали косы. В ряде мест на севере Таджикистана название *кулӯта* применялось для более усложненных головных уборов в виде капюшона [Широкова 1989: 185, 199].

Знаменательно, что в настоящее время головной убор со сходным названием имеет место у замужних женщин в Сарыколе, Китай, и известен в сарыкольском языке как *кы/ũlto*, иногда *šoky/ũlto*, ‘тубетейка (женская с назатыльником)’, а в ваханском языке Китая под тем же названием или обозначается, как и обычная тубетейка без задника, *skid/δ*. Для ваханского языка Таджикистана отмечены значения *шокулта* ‘шапка ушанка’ [Пахалина 1975], вах. *шока/шлта* ‘детский чепчик’ [Стеблин-Каменский 1999]. Дизайн данного изделия несколько трансформирован и отличается от моделей, описанных З. А. Широковой, отчасти сближаясь с третьим типом. Это — шапочка с плоским дном, круглой тульей и прямоугольным высоким околышем, к задней части которого сверху пришит элемент накосника, скорее короткий назатыльник; в других моделях эта деталь пришивается изнутри. Все изделие украшено красочной вышивкой. Перёд околыша и задник выполняются из разных тканей, расшитых узорами.

К этому ряду примыкает название, обозначающее в середине XX в. одну из разновидностей головного убора в говорах шугнанского языка Баджу и Барвоза: *шокулā* ‘тубетейка, прядь волос’: *шокула-та да Барвоз мардум лувен* ‘шокула называют тубетейку жители Барваза’, а также в язгулямском: *шокала* ‘головной убор, шапка’ [Эдельман 1971]. Тот же головной убор упоминает А. К. Писарчик в примечаниях к разделу «Одежда»: «Во втором десятилетии текущего столетия (XX в.) хуфские женщины носили еще привозные

из Бадахшана вышитые тюбетейки, называемые “шокула”, но сведений о них собрать не удалось» [Андреев 1958: 413].

Данный лексический ряд можно сопоставить с т. *кулоҳ* ‘головной убор, шапка дервиша, венец’, известным в иранском мире с древних времен, ш. *кило* ‘шапка; шапка-невидимка’, язг. *кэло* фольк. ‘шапка’ [Эдельман 1971]. Ср. также с рус. *гула́* ‘остороконечная персидская шапка’, с пометой кавк. (Даль) [Фасмер 1986: 472], *кулёк* ‘колпак, остроконечная шапка, капюшон’ [СРНГ 1980: 56].

Знаменательно, что у этнической группы индоарийского происхождения — гуджаров, обитающих в пределах Памиро-Гиндукушского этнолингвистического региона, у северных границ Афганистана, Пакистана и Индии, встречается еще одна модификация шапочки с наконником (*dayani*), в которой задняя прямоугольная часть, подшитая под округлую шапочку, закрывает волосы, спускаясь на спину.

Рассмотренные нами модели головных уборов, а также их наименования дают представление о широком круге языков и культур народов, населявших Памиро-Гиндукушский регион на протяжении нескольких последних веков. Сдвиги в сфере вестиментарных традиций и терминологии наряду с отображением динамики модных тенденций в области костюма отражают направление процессов заимствования в языках и динамику изменений, наблюдаемых в геополитической и социокультурной жизни народов региона.

Литература

Андреев М. С. *Таджики долины Хуф*. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; Душанбе, 1958.

Бобринский А. А. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)*. Очерки быта по путевым заметкам графа А. А. Бобринского. Москва, 1908.

Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша*. Мунджанский язык. Москва, 1972.

Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. *Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк)*. Москва, 1976.

Ершов Н. Н., Широкова З. А. *Альбом одежды таджиков*. Душанбе, 1969.

Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. Москва, 1975.

Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI вв. // *Труды Среднеазиатского государственного университета*. Вып. 81. Исторические науки. Кн. 12. Археология Средней Азии. Москва, 1956.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Вып. 16. Ленинград, 1980.

Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // *Таджики. История, культура, общество*. Санкт-Петербург, 2014, 366–403.

Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Сухарева О. А. *История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)*. Москва, 1982.

Таджикско-русский словарь. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Под ред. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва, 1986.

Шарифова Г. М. *Лексика таджикских говоров на современном этапе: состояние и развитие (на материалах матчинского говора)*. Дис. ... на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Душанбе, 2018.

Широкова З. А. Одежда // *Таджики Каратегина и Дарваза*. Т. 2. Душанбе, 1970, 116–202.

Широкова З. А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*. Москва, 1989, 182–203.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4. Москва, 2011.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Olufsen O. *Through the unknown Pamirs (Vakhan and Garan). The second Danish Pamir expedition 1898–99. (Lieutenant of the Danish army and chief of the expeditions. With maps and numerous illustrations.)* London, 1904.

Robertson G. S. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London, 1896.

References

Andreev M. S. *Tadzhiki doliny Khuf*. Vyp. I–II. Stalinabad, 1953; Dushanbe, 1958. (In Russ.)

Bobrinskii A. A. *Gortsy verkhov'ev Pyandzha (vakhantsy i ishkashimtsy)*. Ocherki byta po putevym zametkam grafa A. A. Bobrinskogo. Moskva, 1908. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Т. 4. Moskva, 2011. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Ershov N. N., Shirokova Z. A. *Al'bom odezhdy tadzhikov*. Dushanbe, 1969. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Т. 1. Moskva, 1986. (In Russ.)

Gryunberg A. L. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundzhan-skii yazyk*. Moskva, 1972. (In Russ.)

Gryunberg A. L., Steblin-Kamenskii I. M. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vakhanskii yazyk (teksty, slovar', grammaticheskii ocherk)*. Moskva, 1976. (In Russ.)

Olufsen O. *Through the unknown Pamirs (Vakhan and Garan). The second Danish Pamir expedition 1898–99. (Lieutenant of the Danish army and chief of the expeditions. With maps and numerous illustrations.)* London, 1904.

Pakhalina T. N. *Vakhanskii yazyk*. Moskva, 1975. (In Russ.)

Pugachenkova G. A. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половине XVI вв. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 81. Исторические науки. Кн. 12. Археология Средней Азии. Москва, 1956. (In Russ.)

Robertson G. S. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London, 1896.

Sharifova G. M. *Leksika tadjhikskikh govorov na sovremenom etape: sostoyanie i razvitie (na materialakh matchinskogo govora)*. Dis. ... na soiskanie uch. st. kand. fil. nauk. Dushanbe, 2018. (In Russ.)

Shirokova Z. A. Traditsionnye zhenskie golovnye ubory tadjhikov (yug i sever Tadjhikistana) // *Traditsionnaya odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Москва, 1989, 182–203. (In Russ.)

Shirokova Z. A. Odezhda // *Tadjhiki Karategina i Darvaza*. Т. 2. Dushanbe, 1970, 116–202. (In Russ.)

SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Вып. 16. Ленинград, 1980. (In Russ.)

Starostina O. V. Traditsionnyi zhenskii kostyum ravninnykh tadjhikov (konets XIX – nachalo KhKh v.) // *Tadjhiki. Istoriya, kul'tura, obshchestvo*. Sankt-Peterburg, 2014, 366–403. (In Russ.)

Steblin-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka*. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Sukhareva O. A. *Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samar-kand (2-ya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Москва, 1982. (In Russ.)

Tadjhiksko-russkii slovar'. Farhangi tojikī ba rusī. Pod red. D. Saimiddinova, S. D. Kholmatovoi, S. Karimova. Izd. 2-e, dop. Dushanbe, 2006. (In Russ.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna

Institute of Linguistics, RAS

Moscow, Russia

leiladod@yahoo.com